

Оценка уровня социального развития регионов России: методические и прикладные аспекты

Айсылу Гарифулловна

АТАЕВА

Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
Уфа, Российская Федерация

e-mail: Ice_lu@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2835-0147; ResearcherID: O-4507-2015

Владимир Владимирович

ОРЕШНИКОВ

Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
Уфа, Российская Федерация

e-mail: VOresh@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5779-4946; ResearcherID: O-4512-2015

Аннотация. В современных исследованиях имеется большое количество разных подходов к оценке уровня социально-экономического развития территорий, реже встречаются отдельные методики оценки экономического и еще реже – социального развития территорий. Предложен авторский подход к оценке уровня социального развития в регионах Российской Федерации, рассматривающий в качестве объекта управления социальным развитием территории население (потребитель социальных услуг) и социальную сферу (подсистема оказания услуг). В статье предлагается методика оценки уровня развития территориальной социально-экономической системы, основанная на использовании модифицированной функции благосостояния А. Сена с учетом корректировки на характеристики компонентов объекта управления: качества жизни,

Для цитирования: Атаева А.Г., Орешников В.В. (2023). Оценка уровня социального развития регионов России: методические и прикладные аспекты // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 5. С. 66–82. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.4

For citation: Ataeva A.G., Oreshnikov V.V. (2023). Assessing the level of social development in Russia's regions: Methodological and applied aspects. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(5), 66–82. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.4

социальной инфраструктуры и социальных услуг. Определены корректирующие коэффициенты, проведена апробация на данных за 2014–2021 гг. по субъектам Российской Федерации, сформирован рейтинг регионов по уровню и специфике социального развития, выделены четыре группы регионов: «лидеры социального развития», «социально развивающиеся», «социально замедляющиеся» и «социально неразвитые» регионы.

Ключевые слова: социальное развитие, социальное благополучие, уровень жизни, качество жизни, доходы населения, валовой региональный продукт, социальные услуги, социальная инфраструктура, социальная сфера.

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда «Моделирование и прогнозирование социального развития региональной системы в условиях трансформации внутренней среды и влияния санкций», проект № 23-28-01722.

Введение

Статья 7 Конституции РФ гласит: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»¹. При этом в российском законодательстве нет официального определения терминов «социальное государство», «социальное развитие», «социальная сфера», «социальная инфраструктура».

Базовые идеи о формировании социального государства как результата исторического прогресса возникли в XVIII–XIX веках (И. Кант, О. Конт, Г. Спенсер и др.). Процесс, в результате которого разум человека подчинял силы природы и совершенствовал общество на пути к справедливости и свободе, характеризовался как социальное развитие. Считалось, что прогресс отдельных людей обуславливал общественный прогресс, а уровень общественного (социального) развития зависел от реализации человеческого потенциала (Спенсер, 2013).

В работах К. Маркса социальное развитие определялось постоянным противоречием между производительными силами и производственными отношениями (Архангельский, 1985), а результат социального развития – прежде всего экономическими факторами.

В более поздних работах прослеживаются гуманистические мотивы социального развития.

В трудах В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова, Н.А. Рожкова и др. (Андреева, 1995; Белоус, 2010; Митина, 1997; Щербань, 1996) важен не столько сам процесс развития общества в силу экономических и политических причин, сколько его направленность на достижение гармонии человека с природой и обществом как некий идеал развития.

С началом промышленных революций, глобализации, развития общества потребления появляются технократические концепции социального развития. С одной стороны, рост материального производства, облегчение труда приводят к объективному улучшению качества жизни, с другой – возникают новые факторы, влияющие на него: социальная безопасность, необходимость диалога, защита меньшинств, поиск компромиссов и др. (Парсонс, 2004).

В настоящее время одной из глобальных общепринятых концепций выступает концепция устойчивого развития, сформулированная в докладе «Наше общее будущее»². В нем отмечалось, что «отдельные аспекты социального развития (проблемы народонаселения, права человека, связь этих проблем с бедностью, качеством окружающей среды, здоровьем населения и экономическим развитием) оказались наиболее трудными из тех, с которыми пришлось столкнуться при подготовке доклада вследствие различия подходов, а также культурных, религиозных и региональных барьеров».

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/6e9322b9a111e965ab5650f7f01bf0039d6a29c6/

² Our Common Future. N.Y.: UN, 1987. Рус. пер.: Наше общее будущее. М.: Прогресс, 1989.

Социальное развитие в узком смысле определяется в «Докладе о развитии человека 2010»: «Это процесс расширения свободы людей жить долгой, здоровой и творческой жизнью, свободы на осуществление других целей, которые, по их мнению, обладают ценностью; активно участвовать в обеспечении справедливости и устойчивого развития на нашей общей планете»³. Развитие рассматривается как процесс, при этом процесс не роста благосостояния, а «расширения свободы» в достижении целей, имеющих индивидуальную ценность для каждого человека. С этой позиции чаще говорят про уровень социального благополучия (*social well-being*) – сложный и многогранный феномен, связанный с целым спектром смежных категорий: уровень жизни, качество жизни, социальное самочувствие, ценности, социальный капитал, социальная политика, общественная безопасность и другие. Содержание понятия «может варьировать в зависимости от дисциплинарной области и предпочитаемого конкретными исследователями теоретического подхода» (Максимов и др., 2020).

В рассмотренных определениях и подходах сложно выявить структурные составляющие социального развития применительно к территориальным социально-экономическим системам (стране, регионам, муниципальным образованиям) для дальнейшей его оценки и принятия соответствующих управленческих решений. Поэтому нами предлагается рассмотреть понятие социального развития с позиции теории управления.

Управленческий подход к оценке уровня социального развития территориальной социально-экономической системы

Управление социальным развитием, основываясь на классическом понятии «управление», представляет собой воздействие субъектов (органы публичной власти разных уровней, хозяйствующие субъекты, организации, учреждения, оказывающие услуги населению, иные общественные организации и учреждения) на объект управления с определенной целью. С точки зрения структурной составляющей, объектами управления социальным развитием

территории являются само население как потребитель социальных услуг и подсистема поставщиков социальных услуг, т. е. социальная сфера (*рис. 1*).

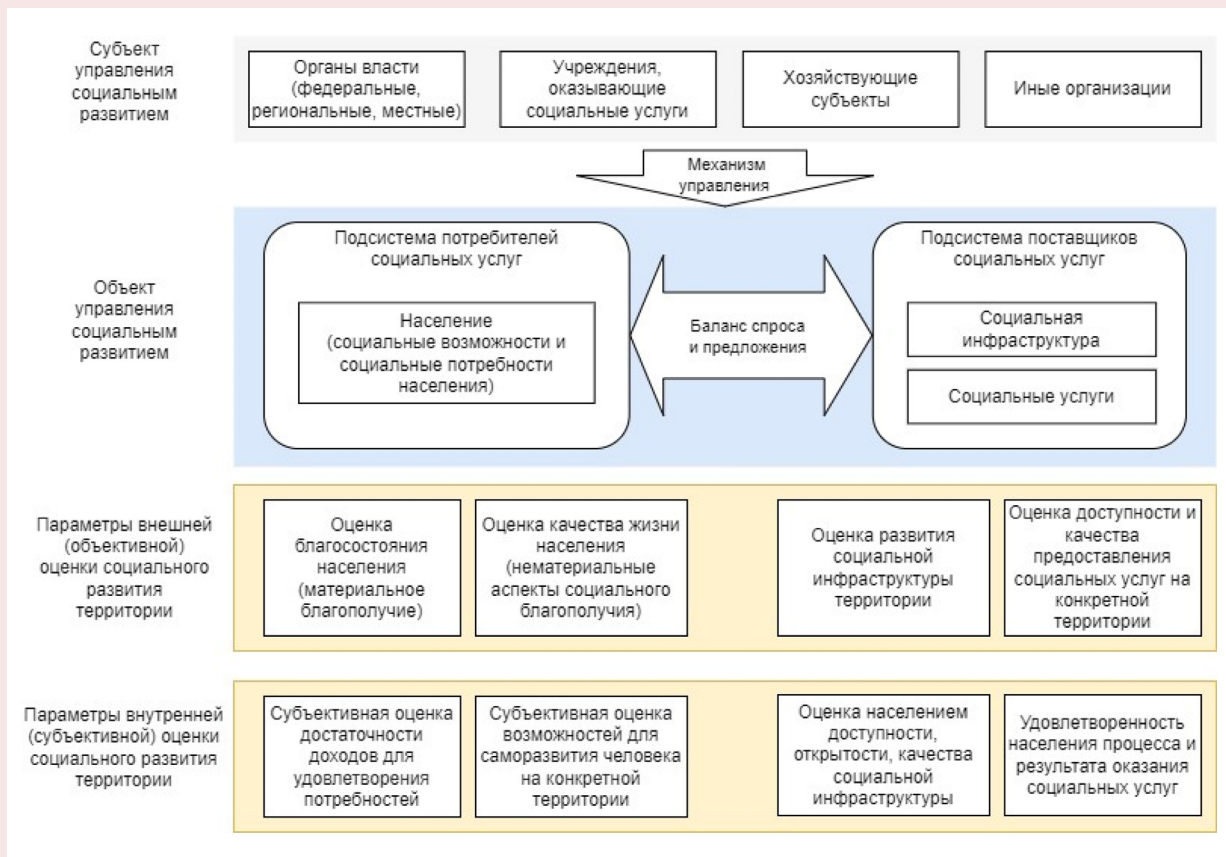
При этом население – не просто общая масса получателей услуг, а совокупность индивидуальных потребителей, отличающихся как характером потребностей (в зависимости от места проживания, пола, возраста, категории и др.), так и возможностями их удовлетворения (возможность оплачивать социальные услуги исходя из своих финансовых возможностей, территориального или иного доступа к услугам и т. д.).

Помимо населения, объектом управления социальным развитием территории является социальная сфера. В нашем понимании социальная сфера включает в себя комплекс социальных услуг (действий по оказанию помощи гражданину в целях улучшения условий его жизнедеятельности) и инфраструктуры, обеспечивающей их оказание. Сами услуги можно разделить на услуги, обеспечивающие социально-культурные (здравоохранение, образование, культура, спорт, досуг, социальная защита, ритуальное обеспечение) и общественно-экономические (ЖКХ, бытовое обслуживание, пассажирский транспорт, связь, розничная торговля, общественное питание и др.) потребности.

Главная цель управления социальной сферой – обеспечение доступа населения к социальным услугам в соответствии с индивидуальными потребностями и запросами на конкретной территории. Отдельно можно выделить цели подсистем. Для населения целью, помимо удовлетворения потребности в социальных услугах, является рост социальных возможностей (рост доходов, снижение уровня безработицы, повышение доступности социальных услуг и др.). Цели подсистемы социальной сферы (их условно можно назвать также целями социальной политики) – повышение качества и расширение многообразия социальных услуг, предоставляемых на территории; поддержка необходимого уровня и качества жизни, воспроизводство рабочей силы; создание условий для самореализации граждан, в том числе экономической возможности реализовывать свои навыки и способности; использование потенциала социального сектора для развития экономики.

³ Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека / пер. с англ.; ПРООН. М.: Весь Мир, 2010. С. 22.

Рис. 1. Объект, субъект и параметры оценки социального развития территориальной социально-экономической системы

Источник: составлено авторами.

В соответствии с этим подходом оценка уровня социального развития территориальной социально-экономической системы складывается из четырех составляющих: материального благополучия / доходов населения; качества жизни населения; социальной инфраструктуры; доступности и качества социальных услуг. Все эти параметры можно оценивать как с объективной точки зрения (на основе формализованных количественных показателей, например региональной статистики), так и с помощью субъективной оценки конкретных индивидов, проживающих на территории. В данном исследовании мы будем рассматривать внешнюю (объективную) оценку уровня социального развития территориальных социально-экономических систем на примере регионов России.

Методические аспекты оценки уровня социального развития региона

В целом при оценке уровня социального развития / благополучия превалирует доходный подход (Graham, 2016), поскольку именно материальное благополучие является ключевым фактором развития социальной сферы и позитивного социального самочувствия.

Помимо очевидных показателей уровня бедности, среднедушевых доходов населения, прожиточного минимума, в качестве показателей материального благополучия, благосостояния используются иные индикаторы социальной уязвимости населения, например сумма доходов, достаточная для пропитания домохозяйства (Christakopoulou et al., 2001), финансирования неожиданных расходов по болезни, смерти, стихийным бедствиям (Terraneo, 2016)

или даже покупки второго дома (Popova, Pishniak, 2017), количество детей, зависящих от пособий по безработице (Leskosek, 2012), ношенные дырявой обуви (Salmond et al., 2006) и др.

Одним из первых оценивать благосостояние населения определенной территории с учетом покупательной способности в виде мультипликативной функции, где величина доходов на душу населения была скорректирована на коэффициент Джини (коэффициент неравенства доходов), предложил А. Сен (Sen, 1976). В работе С.И. Jones, P.J. Klenow эта функция учитывает потребление, неравенство, свободное время и продолжительность жизни (Jones, 2015). В отечественных исследованиях эта модель была адаптирована М.Ю. Малкиной для региональных экономик (формула 1) (Малкина, 2017).

$$S_i = \frac{Y_i}{N_i} \times \frac{D_i}{Y_i} \times \frac{\overline{CI}}{C_i} \times (1 - G_i), \quad (1)$$

где $\frac{Y_i}{N_i}$ – ВРП в расчете на душу населения в i -м регионе; $\frac{D_i}{Y_i}$ – доля доходов населения в ВРП в i -м регионе; $\frac{\overline{CI}}{C_i}$ – индекс, учитывающий уровень цен в i -м регионе (отношение стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг в стране к стоимости аналогичного набора в регионе); $(1 - G_i)$ – показатель, учитывающий уровень дифференциации доходов населения в i -м регионе (G_i – внутрирегиональный коэффициент Джини).

В ряде работ эта мультипликативная функция была скорректирована сводным экологическим индексом (Забелина, 2022) и коэффициентом, позволяющим учесть уровень доходов легально работающих граждан, вычисленных по налогу на доходы физических лиц (Глазырина и др., 2020). Некоторые элементы функции заменялись на другие показатели, например коэффициент Джини на индекс Аткинсона, учитывающий убывающую предельную полезность дохода (Atkinson, 1970).

В рамках исследования мы будем использовать модель А. Сена, адаптированную М.Ю. Малкиной для региональных экономик (Малкина, 2017). Однако, с нашей точки зрения, социальное развитие региона не может оцениваться только уровнем материальных доходов населения. Согласно опросам ВЦИОМ, хорошее мате-

риальное состояние находится лишь на шестом месте в рейтинге того, что определяет счастье человека (после наличия семьи; здоровья и жизни своей и близких; общей удовлетворенности жизнью; хорошей работы; наличия детей)⁴.

В связи с этим для оценки уровня социального развития региона предлагается скорректировать модифицированную функцию благосостояния А. Сена с учетом иных компонентов объекта социального управления: качества жизни, социальной инфраструктуры и социальных услуг (формула 2).

$$SD_i = S_i \times I_{\text{КЖ}} \times I_{\text{СИ}} \times I_{\text{СУ}}, \quad (2)$$

где SD_i – уровень социального развития региона (level of social development); S_i – показатель материального благосостояния населения региона по модифицированной функции А. Сена; $I_{\text{КЖ}}$ – корректирующий коэффициент, учитывающий разницу в качестве жизни регионов; $I_{\text{СИ}}$ – коэффициент, учитывающий уровень развития социальной инфраструктуры; $I_{\text{СУ}}$ – корректирующий коэффициент, учитывающий разницу в доступности социальных услуг.

Корректирующий коэффициент, учитывающий разницу в качестве жизни регионов

Тема оценки качества жизни населения – отдельный самостоятельный пласт исследований как с позиции внутреннего содержания, так и его влияния на социальное и экономическое развитие территорий (Woodhouse, 2006), уровень бедности и др. (Mubangizi, 2003).

Очевидно, что к индикаторам, определяющим качество жизни, относятся в первую очередь показатели, связанные с результатами развития отдельных социальных сфер: здравоохранения, образования, ЖКХ и др. Например, здравоохранение: ожидаемая продолжительность жизни (Murgās, Klobučnik, 2016; Nissi, Sarra, 2018), средняя продолжительность жизни (Mata, Clara Costa, 2020), уровень смертности (Deas et al., 2003) и др.; образование: охват образованием – среднее количество учащихся в классе (Lee, Huang, 2007), неграмотность (Sirgy, 2011), продолжительность образования (Marchante et al., 2006), каче-

⁴ Индекс счастья: мониторинг. 20 марта 2023 года. URL: <https://www.wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-schastja-monitoring> (дата обращения 30.06.2023).

ство школ (Christakopoulou et al., 2001) и др. В бедных странах доступ к качественному здравоохранению и образованию также может зависеть от дохода (Carmourteres et al., 2019).

К этой же категории относятся показатели базового жизнеобеспечения населения: доступ к чистой, горячей и безопасной воде, туалету и санитарным помещениям, улучшение систем канализации и удаления отходов, обеспеченность электроэнергией и др. (Mulenga et al., 2018), а также индикаторы, отражающие степень безопасности жизнедеятельности населения: уровень преступности, экологическая безопасность и др. С точки зрения оценки качества жизни населения в регионах России некоторые из вышеперечисленных показателей не подходят. Например, оценка образовательного потенциала населения регионов с помощью показателей грамотности на современном этапе развития является достаточно спорной.

В нашем исследовании были выбраны пять индикаторов, с учетом доступности в официальной статистике позволяющих в определенной степени отразить качество жизни населения регионов:

1) ожидаемая продолжительности жизни, лет (показатель, на значение которого влияют естественный прирост, заболеваемость, а также доступность услуг здравоохранения и иных социальных услуг);

2) коэффициент миграционного прироста на 10000 человек населения, учитывающий привлекательность территории для трудоспособного населения, формирующего ее будущий человеческий капитал (косвенно отражает комплекс характеристик социальной привлекательности региона);

3) уровень преступности – количество преступлений, зарегистрированных в отчетном периоде, ед. на 1000 человек населения (показатель, определяющий безопасность жизни населения);

4) доля населения Российской Федерации, обеспеченного качественной питьевой водой из систем централизованного водоснабжения, %;

5) численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10000 человек населения. Показатель характеризует формирование в регионе будущего трудового потенциала, аккумулируемого как внутри региона, так и извне.

Коэффициент, учитывающий уровень развития социальной инфраструктуры

Традиционные общедоступные показатели социально-экономического развития по отдельности не отражают качественные характеристики развития социальной инфраструктуры. Например, в регионе с высоким уровнем обеспеченности детей местами в дошкольных образовательных учреждениях может сложиться ситуация, когда сами здания находятся в аварийном состоянии, либо не хватает кадров соответствующей квалификации, либо наблюдается сильная дифференциация доступности детских садов по муниципальным образованиям. Показатели обеспеченности населения торговыми площадями современных форматов, врачами всех специальностей могут ограничиваться факторами территориальной доступности. Поэтому в число показателей развития социальной инфраструктуры был включен «несоциальный» показатель плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, косвенно отражающий инфраструктурную составляющую территориальной доступности. Необходимо учитывать в совокупности несколько показателей, с разных сторон характеризующих социальную инфраструктуру. Состав показателей:

1) численность врачей всех специальностей на 10000 человек населения (характеризует в целом уровень развития инфраструктуры и доступность услуг здравоохранения);

2) обеспеченность детей дошкольного возраста местами в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми, мест на 1000 детей;

3) обеспеченность населения торговыми площадями современных форматов на 1000 человек населения (показатель, характеризующий развитость сферы торговли и услуг населения);

4) плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, км путей на 1000 км² территории (показатель, непосредственно не относящийся к социальной инфраструктуре, но косвенно характеризующий инфраструктуру, влияющую на доступность социальных услуг и качество жизни населения);

5) доля площади жилищного фонда, обеспеченного всеми видами благоустройства, в общей площади жилищного фонда субъекта Российской Федерации (как один из факторов развития системы ЖКХ в регионе, влияющего на качество жизни населения)⁵.

Коэффициент, учитывающий разницу в доступности социальных услуг

В ряде зарубежных исследований доказываются наличие влияния доступности социальных услуг на социальное развитие территории. Результаты свидетельствуют, что жители пригородных и сельских районов в большей степени подвержены влиянию социальных услуг, в особенности пожилые люди и люди с низкими доходами (Tang et al., 2023).

С точки зрения выбора показателей существуют проблемы с наличием статистической базы. Индикаторы оценки качества и удовлетворенности оказанием услуг оцениваются не каждый год, информация по доступности услуг в электронном виде есть только за последние три года. Поэтому косвенно доступность социальных услуг была оценена с помощью следующих показателей:

1) доля населения в возрасте 15–72 лет, взаимодействовавшего с органами государственной власти и местного самоуправления, в процентах от общей численности населения в данном возрасте соответствующего субъекта Российской Федерации (показатель, характеризующий уровень развития взаимодействия с государством по получению услуг, в том числе социальных);

2) уровень удовлетворенности населения в возрасте 15–72 лет качеством предоставленных государственных и муниципальных услуг в электронной форме по субъектам Российской Федерации, в процентах от общей численности населения в возрасте 15–72 лет, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг, – варианты «полностью удовлетворен» и «удовлетворен»;

3) доля домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет, в процентах от общего числа домашних хозяйств в регионе (как фактор доступности получения услуг в электронном виде).

⁵ Жилищные условия: статистическая информация. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/zhilishhnye_usloviya (дата обращения 15.06.2023).

Так как выбранные показатели, на основе которых рассчитываются $I_{КЖ}$, $I_{СИ}$, $I_{СУ}$, являются разноразмерными, было осуществлено их нормирование отдельно для «положительно направленных» (ожидаемая продолжительность жизни и др.) и «отрицательно направленных» (уровень преступности):

$$P_i = \frac{X_i - X_{min}}{X_{max} - X_{min}}, \quad P_i = \frac{X_{max} - X_i}{X_{max} - X_{min}}, \quad (3)$$

где X_i , X_{max} , X_{min} – фактический, максимальное и минимальное значения по регионам за определенный период.

$I_{КЖ}$, $I_{СИ}$, $I_{СУ}$ определялись как среднеарифметическое между частными показателями. Это позволило нивелировать нулевые значения по ряду регионов, неизбежно возникающие при нормировании.

Исходные данные для расчетов по показателям первой и второй групп получены из отчетов Федеральной службы государственной статистики⁶. Индикаторы третьей группы – по данным выборочного федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей⁷. Временной период анализа – с 2014 по 2021 год – период доступности данных выборочного федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей.

По всем методикам ввиду отсутствия сопоставимой информации для ряда регионов из расчетов были исключены Республика Крым, г. Севастополь. Архангельская, Тюменская области рассматривались без автономных округов.

Результаты исследования

Модифицированная мультипликативная функция благосостояния населения А. Сена основывается на среднедушевом валовом региональном продукте, скорректированном с учетом уровня жизни населения (табл. 1).

⁶ Социально-экономическое положение субъектов Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics (дата обращения 15.06.2023).

⁷ Выборочное федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt22/index.html (дата обращения 15.06.2023).

Таблица 1. Значения компонентов модифицированной функции А. Сена по группам регионов в 2021 году

	Y_i / N_i	D_i / Y_i	C_i / C_{ii}	$1-G_i$	S_i
ГРУППА 1. 10 регионов-лидеров					
Ямало-Ненецкий АО	1050,8	0,31	0,83	0,56	153,5
Ненецкий АО	1242,2	0,17	0,83	0,58	100,0
г. Москва	287,5	0,60	0,72	0,58	72,1
г. Санкт-Петербург	135,5	0,71	0,94	0,59	53,7
Республика Саха (Якутия)	162,2	0,60	0,83	0,64	51,7
Чукотский АО	206,1	0,68	0,62	0,59	51,5
Республика Татарстан	118,6	0,60	1,16	0,61	50,6
Сахалинская область	161,6	0,57	0,87	0,60	47,7
Тюменская область без АО	136,9	0,51	1,09	0,62	46,8
Московская область	82,8	1,09	0,93	0,62	51,4
Среднее по группе 1	358,4	0,58	0,88	0,60	67,9
ГРУППА 2. 10 регионов с наихудшими показателями функции благосостояния					
Кировская область	35,3	0,94	1,11	0,67	24,5
Смоленская область	49,9	0,73	1,09	0,62	24,3
Республика Мордовия	52,2	0,59	1,20	0,64	23,6
Ивановская область	21,4	1,54	1,09	0,65	23,1
Алтайский край	37,4	0,90	1,08	0,63	23,0
Чеченская Республика	17,6	1,78	1,09	0,63	21,3
Ульяновская область	38,6	0,76	1,11	0,65	21,1
Еврейская автономная область	40,8	0,81	0,90	0,67	20,0
Курганская область	28,3	0,91	1,11	0,65	18,6
Республика Калмыкия	31,4	0,83	1,06	0,66	18,5
Среднее по группе 2	35,3	0,98	1,08	0,65	21,8
Источник: составлено авторами.					

Лидерами по мультипликативной функции благосостояния (первые 10) являются арктические регионы: Ямало-Ненецкий, Ненецкий, Чукотский автономные округа, Республика Саха (Якутия), к ним добавилась Тюменская область; а также Сахалинская область, города федерального значения Москва и Санкт-Петербург. Также в этот список вошли развитые Московская область и Республика Татарстан.

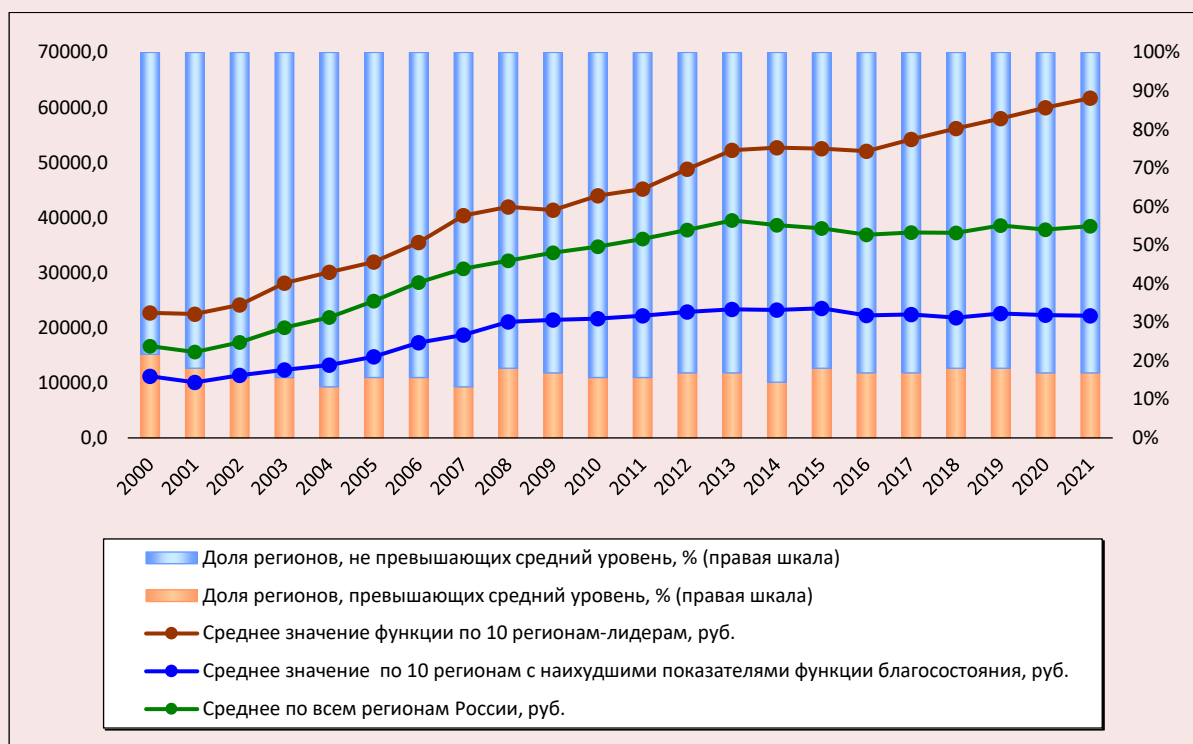
Однако результаты расчетов не отражают в полной мере благосостояние населения этих регионов. В северных и дальневосточных районах на величину заработной платы сильно влияют районные коэффициенты и северные надбавки. При этом высокие значения показателя среднедушевых доходов и заработной платы не являются автоматической «страховкой от бедности». Так, в регионах Российской Арктики, которые оказались в списке лидеров (Республика Саха, Ненецкий и Чукотский автономные округа) уровень бедности превышает предельно критическое значение (9,9, 9,7, 8,8%

соответственно в 2018 году при диапазоне предельно критического значения показателя от 2 до 7%) (Корчак, 2020). Только в Ямало-Ненецком автономном округе уровень бедности находится на верхней границе допустимого диапазона (6,2%). Доля малоимущих домохозяйств в этих регионах составляет более 45,0% (в Ненецком автономном округе – 63,3%). Обеспеченность населения доброкачественной питьевой водой (отвечающей обязательным требованиям безопасности) в арктических регионах не превышала 68% на 2018 год (в Чукотском автономном округе – 49,8%) (Корчак, 2020).

В список отстающих регионов вошли Ивановская, Смоленская, Кировская, Ульяновская, Курганская области, Чечня, Калмыкия и Мордовия, Алтайский край и Еврейская автономная область.

Обращает на себя внимание межрегиональный разрыв между показателями. За 20-летний период более 80% регионов имеют уровень благосостояния по мультипликативной функции

Рис. 2. Изменение среднего значения модифицированной функции А. Сена по группам регионов России за 2000–2021 гг.

Источник: составлено авторами.

А. Сена ниже среднего. Регионы-лидеры развиваются быстрее, чем отстающие регионы (рис. 2).

Кроме того, в целом для Российской Федерации с 2013 года фактически прекращается рост уровня материального благосостояния, в 2021 году этот показатель на 3,5% ниже уровня 2013 года. В Курганской области уровень социального благосостояния снизился на 20,3%, в Алтайском крае – на 13,7%, в Ульяновской области – на 9,8%.

В целом функция благосостояния не отражает социальное развитие региона, так как в ней не учитываются иные компоненты качества жизни населения (продолжительность жизни, здоровье, образование и др.), состояние социальной инфраструктуры региона и доступ к ней населения, в большей степени она показывает лишь средние доходы населения, обусловленные экономическим развитием, частично скорректированные с учетом покупательной способности и степени расслоения общества.

Корректировка на качество жизни населения

Значения нормированных структурных компонентов корректирующего показателя качества жизни представлены в таблице 2.

Результаты ряда исследований по регионам России, в том числе с учетом временного лага, свидетельствуют о крайне сильном положительном влиянии денежных доходов населения на показатель ожидаемой продолжительности жизни, а также отрицательном влиянии уровня безработицы и уровня жизни (Федотов, 2021). В нашем случае ситуация не такая однозначная: нормированный показатель продолжительности жизни в регионах Северо-Кавказского федерального округа более чем в 2,2 раза выше, чем в Центральном и Северо-Западном. Возможно, частично ситуация искажается тем, что в таблице 2 приведены данные за 2021 год – год распространения коронавирусной инфекции и резкого роста заболеваемости, что повлияло на значение показателя продолжительности жизни. Однако в Республике Дагестан среднее

Таблица 2. Корректировка на отдельные показатели качества жизни населения, 2021 год

Федеральный округ	Si	ПЖ	МП	ПР	ОВ	ЧС	$I_{\text{КЖ}}$	$S_{\text{КЖ}}$
Центральный	105,4	0,28	0,39	0,61	0,87	0,43	0,52	54,5
Северо-Западный	126,4	0,28	0,40	0,46	0,75	0,29	0,44	55,0
Южный	93,3	0,36	0,33	0,59	0,69	0,45	0,48	45,1
Северо-Кавказский	78,0	0,62	0,28	0,79	0,79	0,34	0,56	44,0
Приволжский	92,7	0,30	0,31	0,59	0,91	0,45	0,51	47,2
Уральский	199,1	0,33	0,36	0,50	0,80	0,31	0,46	92,0
Сибирский	101,8	0,22	0,30	0,38	0,81	0,43	0,43	43,7
Дальневосточный	104,5	0,17	0,32	0,32	0,72	0,29	0,37	38,3
Место региона среди 83 субъектов Российской Федерации по отдельным компонентам								
ЯНАО	1	10	24	30	41	82	53	2
Москва	2	3	34	17	1	1	1	1
Ненецкий АО	3	36	23	74	78	83	78	9
Тюменская область	4	21	8	52	60	14	25	3
ХМАО	5	9	10	25	39	75	30	5
...
Республика Дагестан	79	2	62	3	71	65	9	58
Псковская область	80	73	31	41	54	56	57	75
Республика Марий Эл	81	35	37	18	3	30	20	68
Ивановская область	82	33	26	26	31	32	38	71
Республика Калмыкия	83	12	79	14	83	10	75	80

Обозначения: ПЖ – продолжительность жизни, лет; МП – коэффициент миграционного прироста на 10 000 человек населения; ПР – количество преступлений, зарегистрированных в отчетном периоде, ед. на 1000 человек населения; ОВ – доля населения, обеспеченного качественной питьевой водой из систем централизованного водоснабжения, %; ЧС – численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10 000 человек населения; $I_{\text{КЖ}}$ – корректирующий коэффициент качества жизни населения (среднеарифметическое от ПЖ, МП, ПР, ОВ, ЧС), $S_{\text{КЖ}}$ – показатель материального благосостояния населения региона по модифицированной функции А. Сена, скорректированный на коэффициент качества жизни населения.
Источник: рассчитано авторами.

значение продолжительности жизни сохраняется на уровне 74,5 года в течение 2000–2021 гг., что выше уровня Москвы. В целом в районах Российской Арктики, лидирующих по среднедушевым денежным доходам, продолжительность жизни ниже среднего по России.

Для субъектов Северо-Кавказского федерального округа также характерен низкий уровень преступности, в особенности для Чеченской Республики. В регионе с 2010 года фиксируется самое низкое значение этого показателя – в среднем за 2010–2021 гг. в 5,7 раза ниже, чем по России, причем уровень преступности снизился с 2010 года на 42,8%. Наиболее высокий уровень преступности наблюдается в регионах Дальневосточного федерального округа, в особенности в Забайкальском крае (более чем в 2,0 раза выше среднего по России, за период с 2010 года повысился на 8,1%). В финансово благополучных регионах Российской Арктики показатель уровня преступности также выше среднего по России, в особенности в Ненецком автономном округе.

Сопоставление показателей миграционного прироста и уровня среднедушевых доходов населения также отражает отсутствие явной корреляции. В 2021 году Москва оказалась на 34 месте, тогда как Ивановская область (предпоследнее место по функции благосостояния А. Сена) на 26 месте. Возможно, ситуация искажается годом оценки. Тем не менее, анализ среднего значения показателя миграционного прироста в 2000–2021 гг. явно отражает влияние «центр-периферийных» отношений на показатели миграции. Наибольший миграционный прирост наблюдается в Московской (1 место) и Ленинградской (2 место) областях. Миграционная привлекательность этих регионов связана с территориальной близостью к экономическим, образовательным, культурным центрам России, относительно низкой стоимостью жилья, развитой дорожной и транспортной инфраструктурой.

В методику оценки был включен показатель доли населения, обеспеченного качественной питьевой водой из систем централизованного

водоснабжения, отражающий базовые жизненные потребности населения. По данным Росстата, только 56,3% жителей Ненецкого автономного округа имеют доступ централизованному водоснабжению, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский автономные округа и Тюменская область занимают позиции ниже 39 места (хотя считаются «социально развитыми»).

Для оценки уровня развития системы образования в регионах России, формирующей будущий трудовой потенциал населения, в группу корректирующих был включен показатель численности студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10000 человек населения. Очевидно, что лидерами по этому индикатору являются образовательные центры России: г. Москва, г. Санкт-Петербург и Томская область. «Богатые» регионы, как правило, выступают реципиентами трудовых ресурсов: в Ямало-Ненецком, Ненецком и Ханты-Мансийском автономных

округах практически отсутствуют учреждения высшего образования, они занимают 82, 83 и 75 места среди регионов России соответственно.

После корректировки исходного показателя уровня благосостояния по мультипликативной функции А. Сена на показатели качества жизни рейтинг регионов изменился незначительно. Высокая база среднедушевых доходов субъектов Российской Арктики позволила им остаться в десятке лидеров. Однако есть исключения: Ненецкий автономный округ, занимающий 3 место по мультипликативной функции благосостояния А. Сена, по показателю качества жизни занял 78 место. Республика Дагестан, наоборот, вошла в число 10 регионов по качеству жизни.

Корректировка на состояние социальной инфраструктуры

Значения нормированных структурных компонентов корректирующего показателя уровня развития социальной инфраструктуры представлены в *таблице 3*.

Таблица 3. Корректировка на отдельные показатели развития социальной инфраструктуры, 2021 год

Федеральный округ	Si	ЧВ	ОД	ОТП	ПАД	ЖФ	$I_{СИ}$	$Si_{СИ}$
Центральный	105,4	0,29	0,61	0,46	0,20	0,60	0,43	45,4
Северо-Западный	126,4	0,34	0,74	0,43	0,14	0,53	0,44	55,4
Южный	93,3	0,28	0,49	0,29	0,10	0,55	0,34	32,0
Северо-Кавказский	78,0	0,28	0,27	0,16	0,22	0,70	0,32	25,3
Приволжский	92,7	0,30	0,62	0,52	0,10	0,58	0,43	39,5
Уральский	199,1	0,32	0,62	0,55	0,04	0,64	0,44	86,7
Сибирский	101,8	0,32	0,52	0,47	0,03	0,39	0,35	35,2
Дальневосточный	104,5	0,43	0,63	0,25	0,01	0,42	0,35	36,2
Место региона среди 83 субъектов Российской Федерации по отдельным компонентам								
ЯНАО	1	7	18	49	81–83*	4	11	2
Москва	2	3	78	16	1	6	2	1
Ненецкий АО	3	23	11	76	81–83	60	66	6
Тюменская область	4	12	62	7	59	39	9	5
ХМАО	5	11	34	4	77	10	3	4
...
Республика Дагестан	79	71	83	83	15	75	83	83
Псковская область	80	81	29	15	28	79	60	72
Республика Марий Эл	81	78	17	73	41	40	68	77
Ивановская область	82	56	9	39	24	43	25	68
Республика Калмыкия	83	38	33	77	62	72	78	81
* Последнее место вместе с Ненецким и Чукотским АО. Обозначения: ЧВ – численность врачей всех специальностей на 10000 человек населения; ОД – обеспеченность детей дошкольного возраста местами в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми, мест на 1000 детей; ОТП – обеспеченность населения торговыми площадями современных форматов (отношение торговой площади современных форматов к среднегодовой численности населения, умноженное на 1000 человек); ПАД – плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, км путей на 1000 квадратных км территории; ЖФ – доля площади жилищного фонда, обеспеченного всеми видами благоустройства, в общей площади жилищного фонда субъекта Российской Федерации, %; $Si_{СИ}$ – показатель материального благосостояния населения региона по модифицированной функции А. Сена. Источник: рассчитано авторами.								

В целом по выделенным показателям ситуация отличается от предыдущей корректировки на качество жизни. Есть отдельные отклонения, вызванные объективными факторами. Например, низкий рейтинг г. Москвы по обеспеченности детей дошкольного возраста местами в детских садах определяется численностью населения города-миллионника. Низкая плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием в арктических регионах связана с природно-климатическими условиями, рельефом местности и невысокой плотностью расселения жителей. Ненецкий автономный округ характеризуется низкими значениями показателей обеспеченности населения торговыми площадями современных форматов и низкой долей площади жилищного фонда, обеспеченного всеми видами благоустройства. По совокупности всех пяти показателей Ненецкий

автономный округ занимает 66 место среди 83 рассматриваемых регионов России.

Из регионов, находящихся в последней пятерке по мультипликативной функции благосостояния А. Сена, только в Ивановской области достаточно высокий уровень развития социальной инфраструктуры (25 место в 2021 году). Все остальные регионы находятся на позициях не выше 60 места.

Однако, учитывая разницу в исходной базе среднедушевых денежных доходов и покупательной способности населения, итоговый результат корректировки значения функции благосостояния значительно не меняется.

Корректировка на доступность и качество социальных услуг

Значения нормированных структурных компонентов корректирующего показателя доступности и качества социальных услуг представлены в *таблице 4*.

Таблица 4. Корректировка на отдельные показатели доступности и качества социальных услуг, 2021 год

Федеральный округ	Si	В	У	И	I _{cy}	Si _{cy}
Центральный	105,4	0,70	0,80	0,33	0,61	64,5
Северо-Западный	126,4	0,65	0,77	0,37	0,60	75,4
Южный	93,3	0,75	0,83	0,61	0,73	67,8
Северо-Кавказский	78,0	0,57	0,65	0,59	0,61	47,3
Приволжский	92,7	0,73	0,79	0,29	0,60	56,1
Уральский	199,1	0,85	0,66	0,51	0,67	134,2
Сибирский	101,8	0,69	0,75	0,39	0,61	62,1
Дальневосточный	104,5	0,51	0,67	0,59	0,59	61,4
Место региона среди 83 субъектов Российской Федерации по отдельным компонентам						
ЯНАО	1	3	5	1	1	1
Москва	2	1	35	4	2	2
Ненецкий АО	3	34	79	35	61	4
Тюменская область	4	30	72	72	69	7
ХМАО	5	8	54	5	4	3
...
Республика Дагестан	79	52	58-59	25	36	69
Псковская область	80	21	57	43	37	70
Республика Марий Эл	81	71	83	83	83	83
Ивановская область	82	10	58-59	70	40	74
Республика Калмыкия	83	42	27	9	11	59

Обозначения: В – доля населения в возрасте 15–72 лет, взаимодействовавшего с органами государственной власти и местного самоуправления, %; У – уровень удовлетворенности населения в возрасте 15–72 лет качеством предоставленных государственных и муниципальных услуг в электронной форме по субъектам Российской Федерации, %; И – доступ к сети Интернет, % от общего числа домашних хозяйств в регионе; Si_{cy} – показатель материального благосостояния населения региона по модифицированной функции А. Сена, скорректированный на коэффициент качества жизни населения.
 Источник: рассчитано авторами.

Еще более сложным оказался выбор общедоступных индикаторов, характеризующих качество и доступность социальных услуг. В качестве одного из параметров было выбрано само наличие взаимодействия населения с органами власти, косвенно отражающее готовность и результативность отношений, в том числе в формате получения государственных и муниципальных услуг. В Центральном федеральном округе 88,0% населения в возрасте 15–72 лет взаимодействуют с органами государственной власти и местного самоуправления, в том числе 100% в г. Москве. Тогда как в Дальневосточном федеральном округе этот показатель составляет 68,7%, в том числе в Магаданской области – всего 28,2%.

Примерные пропорции сохраняются по федеральным округам и по показателю удовлетворенности качеством услуг. Однако есть исключения. Если по Тюменской области, Ханты-Мансийскому и Ненецкому автономным округам низкие значения удовлетворенности можно объяснить действительно низким качеством оказания услуг, то в г. Москве низкий рейтинг, скорее всего, связан с более высокими

требованиями местных жителей и более строгой системой отчетности по данному показателю.

Ненецкий автономный округ и Тюменская область также занимают низкие позиции в рейтинге по доле домохозяйств, имеющих доступ в интернет. Этот показатель косвенно отражает один из форматов доступности услуг – возможность населения получать государственные и муниципальные услуги в электронном виде.

В целом выбранные показатели не относятся напрямую к социальным услугам, лишь косвенно отражая их доступность и качество. Корректировка значения базовой мультипликативной функции A . Сена не сильно влияет на итоговый разброс регионов по уровню социального развития.

Таким образом, скорректировав исходный показатель материального благосостояния населения региона по мультипликативной функции A . Сена на интегральные показатели качества жизни, социальной инфраструктуры, качества и доступности услуг, мы получаем итоговый показатель уровня социального развития регионов России (табл. 5).

Таблица 5. Итоговая корректировка на качество жизни, социальную инфраструктуру и социальные услуги, 2021 год

Федеральный округ	S_i	$I_{кж}$	$I_{си}$	$I_{су}$	SD_i
Центральный	105,4	0,52	0,43	0,61	14,38
Северо-Западный	126,4	0,44	0,44	0,60	14,68
Южный	93,3	0,48	0,34	0,73	11,12
Северо-Кавказский	78,0	0,56	0,32	0,61	8,53
Приволжский	92,7	0,51	0,43	0,60	12,20
Уральский	199,1	0,46	0,44	0,67	27,00
Сибирский	101,8	0,43	0,35	0,61	9,35
Дальневосточный	104,5	0,37	0,35	0,59	7,98
ЯНАО	1	53	11	1	2
Москва	2	1	2	2	1
Ненецкий АО	3	78	66	61	21
Тюменская область	4	25	9	69	6
ХМАО	5	30	3	4	4
...
Республика Дагестан	79	9	83	36	79
Псковская область	80	57	60	37	66
Республика Марий Эл	81	20	68	83	82
Ивановская область	82	38	25	40	60
Республика Калмыкия	83	75	78	11	77

Обозначения: SD_i – итоговый показатель уровня социального развития региона, основанный на оценке материального благосостояния населения региона с учетом качества жизни, развитости социальной инфраструктуры и социальных услуг.
Источник: рассчитано авторами.

В итоговом показателе социального развития снижаются межтерриториальные различия: если при оценке уровня материального благосостояния населения по модифицированной функции А. Сена доля регионов, имеющих значение ниже среднего, составляла 80%, то с учетом корректировок это значение сократилось до 70%.

Итоговые результаты

Недостаток процедуры нормирования состоит в том, что показатели после приведения в сопоставимый вид не отражают динамику изменения по годам. Можно лишь увидеть ежегодное изменение рейтинга территории в общем списке регионов. Это характеризует лишь ежегодную статистику уровня социального развития.

Для того чтобы увидеть динамику, мы можем сопоставить среднегодовые значения показателя уровня социального развития по каждому из регионов России за анализируемый период и изменение этого показателя в 2021 году в сравнении с 2014 годом. По результатам сопоставления можно выделить четыре группы регионов.

1. Регионы — лидеры социального развития, имеющие среднегодовое значение итогового показателя уровня социального развития (с учетом качества жизни, социальной инфраструктуры, качества и доступности социальных услуг) в 2014–2021 гг. более 20 тыс. руб. / чел. и прирост показателя за рассматриваемый период от 150,1% и выше. В эту группу входят Москва, Санкт-Петербург, Московская область, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа, Тюменская область, Республика Татарстан. Их лидерские позиции обеспечиваются прежде всего ресурсным потенциалом и уровнем экономического развития.

2. К социально развивающимся регионам можно отнести группу субъектов, имеющих достаточно низкие среднегодовые значения итогового уровня социального развития (ниже 10 тыс. руб. / чел.), но высокие темпы его прироста (от 150,1% и выше): Вологодская, Новгородская области, республики Калмыкия, Дагестан, Чечня, Тыва, Алтайский край, Амурская, Брянская, Ивановская, Калужская области, Республика Адыгея, Краснодарский край, республики Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Оренбургская, Саратовская области, Чукотский АО.

3. К социально замедляющимся регионам (среднегодовые значения итогового уровня социального развития выше 10 тыс. руб. / чел., но прирост показателя за 2014–2021 гг. ниже 20%) можно отнести Красноярский край, Кемеровскую и Липецкую области, имеющие достаточно высокие уровни социального благополучия, но низкий уровень его прироста в сравнении с 2014 годом.

4. К группе социально неразвитых регионов с низким уровнем и динамикой социального развития можно отнести Республику Марий Эл, Забайкальский край, Магаданскую, Костромскую, Курганскую области, Еврейскую АО.

Выводы

В современных отечественных исследованиях имеется большое количество разных рейтингов, методик, подходов к оценке социально-экономического развития территорий. Выбрать определенный набор показателей, провести их нормирование и свертку в интегральный показатель, на выходе получить некий рейтинг — простой, наглядный, как следствие, спекулятивный способ оценки пространственного развития регионов России. Гораздо сложнее разделить эти два направления оценки, выбрать показатели и отдельно оценить уровень социального и экономического развития территориальных систем.

Как свидетельствуют результаты исследования, уровень социального развития территории по большей части определяется через экономические показатели развития (валовой региональный продукт на душу населения), скорректированные на межрегиональные различия в покупательной способности. Примером может служить функция благосостояния населения А. Сена, которую в той или иной вариации широко используют для анализа социальной развитости территорий. На основе расчетов по 83 субъектам Российской Федерации за 2000–2021 гг. нами выявлено, что функция не отражает иные важные факторы социального развития регионов. Например, на арктических территориях с высоким уровнем благосостояния населения остаются нерешенными многие социальные проблемы: бедность, безработица, социальное расслоение, затрудненный доступ к качественным социальным услугам и базовым ресурсам обеспечения жизненных потреб-

ностей человека (питьевая вода и др.). Все это создает существенные риски как для искажения общей картины «социально развитых», «богатых» территорий, так и для принятия стратегических решений по обеспечению долгосрочной социально-экономической стабильности страны в целом.

В связи с этим следует более основательно подходить к формированию методологии, выбору показателей и методики оценки уровня социального развития территорий. Авторы предложили скорректировать модифицированную функцию благосостояния А. Сена с учетом иных компонентов объекта социального управления: качества жизни, социальной инфраструктуры, качества и доступности социальных услуг. Итоговые расчеты с учетом корректировок по 83 регионам России более адекватно отражают фактические межтерриториальные различия в уровне социального развития. Например, Ненецкий автономный округ, занимающий 3 место по функции благосостоя-

ния А. Сена, после корректировок спустился до 21 места, так как по интегральным показателям оценки качества жизни, социальной инфраструктуры, качества и доступности социальных услуг занимает низкие позиции в рейтинге субъектов Федерации.

Такой подход позволяет оценить уровень развития территории не только с точки зрения доходов населения, но и иных целей социальной политики: улучшения качества и расширения многообразия социальных услуг; повышения качества жизни населения; развития социальной инфраструктуры; использования потенциала социального сектора для развития экономики и др.

Дальнейший анализ полученных результатов и их интерпретация помогут сформулировать рекомендации по учету особенностей каждой из выделенных групп регионов при построении модели социальной составляющей комплексного развития региональной системы и мероприятий по ее развитию.

Литература

- Андреева И.А. (1995). Историческая концепция Н.А. Рожкова. Екатеринбург: Ин-т истор. и археол. Урал. отд-е РАН. 269 с.
- Архангельский Л.М. (1985). Марксистская этика: предмет, структура, основные направления. М.: Мысль. 239 с.
- Белоус А.О. (2010). Философская концепция К.Д. Кавелина // *Философия социальных коммуникаций*. № 1 (10). С. 96–102.
- Глазырина И.П., Забелина И.А., Фалейчик А.А., Фалейчик Л.М. (2020). Применение имитационного моделирования в оценках уровней социального благополучия восточных регионов РФ // *Вестник Забайкальского государственного университета*. Т. 26. № 6. С. 125–136. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-6-125-136
- Забелина И.А. (2022). Оценка социо-эколого-экономического благополучия регионов востока России с использованием расширенной функции А. Сена // *Экономика региона*. Т. 18. Вып. 2. С. 398–412. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-2-7
- Корчак Е.А. (2020). Бедность населения как угроза устойчивому развитию российской Арктики // *Арктика и Север*. № 40. С. 47–65. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.40.47
- Максимов А.М., Тутьгин А.Г., Малинина К.О. [и др.] (2022). Проблемные вопросы методологии оценки социального благополучия населения в современной России // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 15. № 2. С. 138–155. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.9
- Малкина М.Ю. (2017). Социальное благополучие регионов Российской Федерации // *Экономика региона*. Т. 13. № 1. С. 49–62. DOI: doi.org/10.17059/2017-1-5
- Митина И.Д. (1997). Философско-культурологическая концепция П.Н. Милюкова. М.: Изд-во МПГУ. 165 с.
- Парсонс Т. (2004). Система современных обществ. М.: Аспект Пресс. 270 с.
- Спенсер Г. (2013). Основания социологии. Данные социологии. Индукция социологии. М.: URSS. 440 с.

- Федотов А.А. (2021). Продолжительность жизни: анализ состояния и поиск воздействующих факторов // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. № 7 (58). С. 131–137. DOI: 10.24412/2500-1000-2021-7-131-137
- Щербань Н.В. (1996). Цивилизационный подход к истории в трудах В.О. Ключевского // *Россия в XX веке: Судьбы исторической науки / под общ. ред. члена-корр. РАН А.Н. Сахарова*. М.: Наука. С. 116–119.
- Atkinson A.B. (1970). On the measurement of inequality. *Journal of Economic Theory*, 2(3), 244–263.
- Capmourteres V., Shaw S., Miedema L. et al. (2019). A complex systems framework for the sustainability doughnut. *People Nat.* 1(4), 497–506. DOI: <https://doi.org/10.1002/pan3.10048>
- Christakopoulou S., Dawson J., Gari A. (2001). The community well-being questionnaire: Theoretical context and initial assessment of its reliability and validity. *Soc. Indic. Res.* 56(3), 321–351. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1012478207457>
- Deas I., Robson B., Wong C., Bradford M. (2003). Measuring neighbourhood deprivation: A critique of the index of multiple deprivation. *Environ. Plann. Govern. Policy*, 21(6), 883–903. DOI: <https://doi.org/10.1068/c0240>
- Graham C. (2016). Subjective well-being in economics. In: *The Oxford Handbook of Well-being and Public Policy*. New York: Oxford University Press. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199325818.013.14
- Lee Y.-J., Huang C.-M. (2007). Sustainability index for Taipei. *Environ. Impact Assess. Rev.*, 27(6), 505–521. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eiar.2006.12.005>
- Leskosek V. (2012). Social determinants of health: The indicators for measuring the impact of poverty on health. *Zdravstveno Varstvo*. 51(1), 21–32. DOI: <https://doi.org/10.2478/v10152-012-0004-1>
- Marchante A.J., Ortega B., Sanchez J. (2006). The evolution of well-being in Spain (1980–2001): A regional analysis. *Soc. Indic. Res.* 76(2), 283–316. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-005-1097-6>
- Mata M., Clara Costa I.D.C. (2020). Composition of the health inequality index analyzed from the inequalities in mortality and socioeconomic conditions in a Brazilian state capital. *Ciencia Saude Coletiva*, 25(5), 1629–1640. DOI: <https://doi.org/10.1590/1413-81232020255.33312019>
- Mubangizi B.C. (2003). Drawing on social capital for community economic development: Insights from a South African rural community. *Community Development Journal*, 38(2), 140–150.
- Mulenga B.P., Tembo S.T., Richardson R.B. (2018). Electricity access and charcoal consumption among urban households in Zambia. *Dev. South. Afr.* 36(5), 585–599. DOI: <https://doi.org/10.1080/0376835x.2018.1517036>
- Murgäs F., Klobučník M. (2016). Does the quality of a place affect well-being? *Ekologia Bratislava*, 35(3), 224–239. DOI: <https://doi.org/10.1515/eko-2016-0018>
- Nissi E., Sarra A. (2018). A measure of well-being across the Italian urban areas: An integrated DEA-entropy approach. *Soc. Indic. Res.* 136(3), 1183–1209. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-016-1535-7>
- Popova D., Pishniak A. (2017). Measuring individual material well-being using multidimensional indices: An application using the gender and generation survey for Russia. *Soc. Indic. Res.* 130(3), 883–910. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-016-1231-7>
- Salmond C., Crampton P., King P., Waldegrave C. (2006). NZiDep: a New Zealand index of socioeconomic deprivation for individuals. *Soc. Sci. Med.* 62(6), 1474–1485. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2005.08.008>
- Sen A. (1976). Real national income. *Review of Economic Studies*, 43(1), 19–39. DOI: doi.org/10.2307/2296597
- Sirgy J.M. (2011). Theoretical perspectives guiding QOL Indicator projects. *Soc. Indic. Res.* 103(1), 1–22. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-010-9692-6>
- Tang Zh., Xie M., Chen B. et al. (2023). Do social and ecological indicators have the same effect on the subjective well-being of residents? *Applied Geography*, 157, 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2023.102994>
- Terraneo M. (2016). A longitudinal study of deprivation in European countries. *Int. J. Sociol. Soc. Policy.* 36(5/6), 379–409. DOI: <https://doi.org/10.1108/IJSSP-05-2015-0058>
- Woodhouse A. (2006). Social capital and economic development in regional Australia: A case study. *Journal of Rural Studies*, 22, 83–94.

Сведения об авторах

Айсылу Гарифулловна Атаева – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук (450054, Российская Федерация, г. Уфа, Проспект Октября, д. 71; e-mail: Ice_lu@mail.ru)

Владимир Владимирович Орешников – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук (450054, Российская Федерация, г. Уфа, Проспект Октября, д. 71; e-mail: VOresh@mail.ru)

Ataeva A.G., Oreshnikov V.V.

Assessing the Level of Social Development in Russia's Regions: Methodological and Applied Aspects

Abstract. Modern research works contain a large number of different approaches to assessing the level of socio-economic development of territories; as for the techniques that assess economic development of territories, they are not so numerous; and the techniques for assessing social development of territories are encountered even less often. We put forward our own approach to assessing the level of social development in Russia's regions and consider population (consumer of social services) and the social sphere (subsystem of services provision) as the object of managing social development of the territory. The article proposes a technique for assessing the level of development of the territorial socio-economic system using Amartya Sen's modified social welfare function, taking into account adjustments for the characteristics of management object components: quality of life, social infrastructure and social services. We determine adjustment factors and carry out the testing on the data for 2014–2021 in the context of Russia's constituent entities; we form a rating of regions according to the level and specifics of social development and identify four groups of regions: “social development leaders”, “socially developing”, “socially slowing down” and “socially undeveloped” regions.

Key words: social development, social welfare, standard of living, quality of life, population income, gross regional product, social services, social infrastructure, social sphere.

Information about the Authors

Aisylu G. Ataeva – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute for Social and Economic Research, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (71, Oktyabrya Avenue, Ufa, 450054, Russian Federation; e-mail: Ice_lu@mail.ru)

Vladimir V. Oreshnikov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute for Social and Economic Research, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (71, Oktyabrya Avenue, Ufa, 450054, Russian Federation; e-mail: VOresh@mail.ru)

Статья поступила 09.08.2023.